
Ольга АНИКИНА

ДЕРЖАВИНА ВОСЕМЬ,
КВАРТИРА
ШЕСТНАДЦАТЬ¹

Маленькая поэма

I.

Красно-коричневая краска на двери,
в ее потеках цифры — это номер.
Тут нет глазка: тебя не видно изнутри.
Наверное, хозяин экономил,
звонок не устанавливал.
Тук-тук.
Кто там?
Свои.
И где-то там, в глубинах
я слышу шорох лапок голубиных,
а может, скрип драконьей чешуи,
и слышу, как пылинки бьются в паутинах,
как воздуха сдвигаются слои.

За дверью, в коридоре у стены
есть вешалка и сверху антресоли.
Две комнаты проходом соединены.
Заглянем, что ли.

Ольга Аникина — поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Окончила Новосибирский медицинский институт, Литературный институт им. Горького, курсы повышения квалификации Европейского университета в Петербурге по специальности «Перевод с идиша». Автор пяти книг стихов, четырех книг прозы. Член оргкомитета и один из создателей литературной премии «Антоновка 40+». Редактор отдела малой прозы в журнале «Эмигрантская лира» (Бельгия). Дипломант (2015) и лауреат (2022) премии им. Н. В. Гоголя. Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2016), Волошинского конкурса (2021). Стихи, проза, переводы, критические эссе опубликованы в журналах «Новый мир», «Знамя», «Волга», «Аврора», «Сибирские огни», «Зинзивер», «Дети Ра», «Этажи» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

---

¹ Адрес моего детства.

II.

В гостиной есть буфет, там хрупкое стекло,
которое легко разбить назло.
Под ним комод, в нем письма и альбомы,
но что-то там еще такое есть,
и очень хочется в комод залезть —
я лезу, если взрослых нету дома.

Резная ручка на двери еще цела,
а рядом стол, и скатерть со стола
укроет все, что я нашла на полках.
С газетою и книгой на столе
соседствуют катушка и иголка,
и чья-то смерть хранится в той игле.

Стоит диван, укрытый покрывалом,
внутри него пружины из металла,
на нем растет зеленый в клетку ворс,
к нему когда-то леденец примерз,
и я тайком его спилила бритвой,
остался след, овальный ровный ноль,
и бабушка, найдя его, сердито
ворчала — дескать, снова в доме моль.

Диван был дедушкин — наверно, там он спал,
но почему-то мне казалось, будто
из вечера он сразу входит в утро,
из прошлого — в сегодня, сквозь портал.
Ход, через ночь ведущий напрямик,
лежал в шкафу, запрятан между книг,
с потертыми цветными корешками,
их все берут, а мне нельзя пока.

Вот чемодан в углу, зеленые бока
с заклепками и звучными замками.
(Был у него особый статус-кво.
«На всякий случай» — звали мы его.)

Вот светятся, как золотые, днем
оранжево-коричневые шторы.
Вот подоконник: ящики на нем,
в них тонкие восходят помидоры,
и тянут листья в сторону окна,
как тянет ножку балерина.

У входа в маленькую комнату стоит
закрытое и строгое на вид,

похожее на маму пианино,
я каждый день
играть на нем должна.

И если елку приносили в дом,
она вставала рядышком, сюда же.
Подставка деревянная крестом
и ворох веток в серебристой пряже.
Вот хвоя на полу, бумажные флажки,
божки игрушек и снегурка без башки.

III.

Вторая комната была почти моя,
я днем сидела здесь. И своды трех кроватей
меня скрывали, словно муравья,
и красным жаром дул обогреватель
под темным куполом пружинных крон
меж тонких металлических колонн.

Одна кровать — прабабкина. В углу
над ней висела под платком икона.
Прабабушкины ноги на полу —
обутые в носки ступни дракона,
незрячего, неслышащего, но
летающего в ночь через окно.

В другой кровати бабушка спала,
и ночью к бабушке под одеяло
тихонько судорога заползала,
упрямая змея или пчела,
и пряталась, и случая ждала,
чтоб высунуть невидимое жало.

А третья, деревянная, кровать
стояла у стены посередине.
И я на ней плыла, как на дельфине,
ловила сон и не могла поймать.
И желтый шкаф, как голый великан,
стоит с приросшими к бокам руками,
и табуретка, и на ней стакан,
и что-нибудь невкусное в стакане.

Где были в нашем доме зеркала?
И мама — мама, где она спала?

Не помню. Может, мама по ночам
вслед за прабабкой прыгала в окно.

На пару
они в пустынном небе, хохоча,
летели на проспект, потом к бульвару,
оттуда — в парк, когда вокруг уснули все —
на чертовом кататься колесе.

IV.

Еще за кромкой штор я вижу двор,
сирень и клен, переплетенье веток.
Над ними тополь, словно дирижер,
Качает палочкой — то так, то этак.
И музыканты смотрят с табуреток,
и все играют пьесу до мажор,
вздыхают скрипки, вздрагивают цитры,
а я никак не попадаю в ритм,
и дирижер мне строго говорит:
из-за тебя — с начала, с первой цифры.
И все с укором на меня глядят,
и листья снова по ветру летят.

V.

Шаг от окна, и снова шаг назад.
Кровати, шкаф, игрушки, табуретка,
на белом фоне черная розетка,
и запахи — гвоздика и мускат,
и желтый с красной крышечкой флакон
хранятся в ящичке, что под замком.
В белье на полках корки апельсина,
от моли.

Снова шаг назад. Диван,
буфет, и книжный шкаф, и пианино,
и елка, и зеленый чемодан,
и тянутся к окошку помидоры,
и тянет холодком из коридора.

VI.

На кухне пустота и чистота.
Спят по шкафам кастрюли и тарелки,
считают время луковые стрелки,
растет корней густая борода,
и страшно прорастает в никуда,
собой хочет все заткать вокруг,
сама себе и паутина, и паук.

Ползет по стенам, через потолок
в дверной проем, навек преображая
весь дом и каждый тайный уголок.
Была когда-то комната большая,
а нынче словно съежилась она.
Обшивка, ламинат, стеклопакеты.
В шкафах чужие прячутся скелеты,
и все вокруг чужое, кроме света,
текущего из каждого окна.

VII.

Он остается, даже если ты
уехал навсегда. Он остается,
он, как и прежде, льется, льется, льется —
им все пространства в доме залиты.
Его волна то холодней, то горячей.
Он, как хранитель, связкою лучей
гремит и, дверь за дверью отпирая,
за жизнью жизнь приводит в старый дом:
вот эта первая, а вслед за ней — вторая,
и третья, и четвертая потом.

И я в одной из них, я в шарике на елке,
я в каплю памяти помещена,
подобно отражению в осколке,
где старина становится видна,
и в этой амальгаме, в этой пене
мелькает девочка —
я это или нет? —
она бежит, бежит.
Ее ведут ступени
по лестнице, туда, откуда свет.